

УДК 94 (950) 032.3/4:613.817(571.1/5)

А.А. Терскова

БОРЬБА С САМОГОНЩИКАМИ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А.А. Terskova

THE FIGHT AGAINST MOONSHINERS IN THE YENISEI PROVINCE DURING THE YEARS OF THE FIRST WORLD WAR

С началом Первой мировой войны был введен запрет на продажу казенного спирта. Правительство, объявив «сухой закон», сохраняло его до конца ведения военных действий. Это привело к росту торговли самогоном (ликвой, эфиром, грешным квасом, бражкой) как в городах Енисейской губернии, так и в сельской местности. Правительство вынуждено было объединить усилия многих ведомств, прежде всего Управления Акцизного надзора, опирающегося на помощь православной церкви, полиции и органов местного самоуправления, для борьбы с самогоноварением. Енисейская губерния была одним из самых сложных регионов в стране, где более всего требовалась эффективная борьба с незаконным производством алкоголя. В статье представлены не только материалы, характеризующие рост самогоноварения, методы и результаты борьбы Акцизного ведомства с кормчеством, но и дан социальный портрет самогонщика, который был составлен на основании анализа протоколов. Этот портрет включал в себя социальное происхождение, имущественное положение и семейственность людей, вставших на путь производства и торговли самогоном в 1914–1916 гг. Из этих данных видно, что значительная часть самогонщиков производила спиртную продукцию в сельской местности, а в город вывозила только для продажи. Большинство из торгующих и производящих самогон относились к малообеспеченным слоям общества, не имея или совсем никакого имущества, или являясь бедняками по меркам сибирского села. Для них производство и торговля самогоном были основным заработком. В городе также только бедные слои, чернорабочие, мелкие торговцы или не имеющие постоянного заработка лица занимались продажей алкоголя. Опираясь на данные отчетов, можно утверждать, что у самогонщиков были немногочисленные семьи, многодетные отказывались от этого дела, чтоб не оставить детей сиротами. Несмотря на сплоченную и организованную борьбу с самогоноварением в регионе, этот вопрос еще серьезней стал с утверждением советской власти.

Ключевые слова: пьянство, самогоноварение, самогонщики, Первая мировая война, Енисейская губерния.

With the outbreak of the First World War the ban on sale of state alcohol was imposed. The government, having declared "Prohibition", kept it until the end of conducting military operations. It led to the growth of trade in moonshine (likva, ether, sinful kvass, brazhka) both in the cities of the Yenisei province, and in rural areas. The government was compelled to combine the efforts of many departments, first of all Managements of the Excise Supervision relying on the help to Orthodox Church, police and local governments for fight against moonshining. The Yenisei province was one of the most difficult regions in the country where effective fight against illegal production of alcohol most of all was required. In the study there are not only materials characterizing moonshining growth, methods and results of fight of Excise Department against coaching but also social portrait of a moonshiner which was made on the basis of the analysis of protocols is given. This portrait included class origin, property status and domesticity of the people who followed the way of production and trade in moonshine in 1914–1916. From these data it is visible that considerable part of moonshiners made spirits production in rural areas, and took it out to the city only for sale. The majority from trading and making moonshine belonged to lower-income strata of society, without having or absolutely any property, or being poor people to measures of Siberian village. For them the production and trade in moonshine were the main earnings. In the city also only poor layers, unskilled workers, small traders or the persons who did not have constant earnings were engaged in alcohol sale. Being guided by data of reports, it is possible to claim that moonshiners did not have numerous families, when having many children they refused this business not to leave children orphans. Despite strict and organized fight against moonshining in the region, this question became even more serious with the establishment of Soviet power.

Keywords: alcoholism, moonshining, bootleggers, World War I, Yenisei province.

Интерес к истории борьбы с пьянством и самогонварением в России и в Приенисейском регионе в частности особенно возрос в последние несколько лет. Связано это с юбилеями Первой мировой войны, русских революций, нерешенностью и остротой алкогольного вопроса сегодня, переоценкой опыта трезвенной работы различными общественными силами. Достаточно назвать несколько работ крупных региональных ученых С.А. Сафронова [1], А.С. Шекшеева [2, 3], которые вышли в последние два года. В них историки уделили внимание борьбе с пьянством в начале XX в. в условиях революций и в первые годы советской

власти, осветив не только общероссийские тенденции, но и региональные проблемы трезвенной политики государства. Вместе с тем, опираясь на материалы Государственного архива Красноярского края, автору статьи хотелось бы дать характеристику не только событий противодействия пьянству и показать методы борьбы с самогонварением в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны, когда политика правительства была направлена на достижение трезвости в стране, но и раскрыть социальный портрет самогонщика, а также охарактеризовать отношение к трезвенной работе сельского населения.

Вопрос о сокращении производства алкоголя и о борьбе с пьянством стал обсуждаться правительством особенно активно в начале XX в. С началом Первой мировой войны представители власти ограничили продажу крепкого алкоголя, а затем и пива. 13 октября 1914 г. Совет Министров постановил: «Впредь до окончания военного времени по ходатайству заинтересованных общественных учреждений (сельских волостных обществ, земских собраний и городских дум) торговля вином прекращается по распоряжению губернатора и градоначальника, от других учреждений по распоряжению Министерства внутренних дел» [4, л. 31]. А.С. Шилина подчеркивает, что торговля алкоголем была закрыта в Красноярске, Канске и Ачинске [5, с. 259]. Правительство также запрещало свободную продажу пива и портера, если населенный пункт вышел с ходатайством о запрете виноторговли. Запрет продажи спирта привел к проблемам разных предприятий – типографий, велосипедных фабрик, парикмахерских, кондитерских, которые использовали алкоголь в своей работе. Государство пошло на уступки и разрешило с 5 ноября 1914 г. отпускать спирт и вино для химических, технических, ученых, учебных, фармацевтических, косметических и других подобных надобностей из казенных складов и из частных под надзором полиции [4, л. 33]. Правительству удалось добиться того, что в условиях мобилизации в конце 1914 г. не было пьяных проводов новобранцев.

Самогонварение в Енисейской губернии развивалось и раньше 1914 г. Связано это было с притоком переселенцев в регион. 31 декабря 1909 г. предписанием Главного Управления № 5071 в переселенческих поселках запрещено было открывать казенные винные лавки и разрешать частную виноторговлю. В течение 10 лет переселенцы, приехавшие в Сибирь, должны были ездить за вином в ближайшие старожильческие селения. Дорога за алкоголем занимала значительное время и средства, поэтому среди переселенцев стало распространяться винокурение. Чиновники Акцизного ведомства писали: «По своей малообеспеченности и крайней необходимости переселенцы готовы пить какой угодно спирт, лишь бы он был дешевле. Старожилы редко прибегают к услугам беспатенщиков, а переселенцы относятся к винокурению весьма благожелательно» [4, л. 1-2 об.]. «Коренной сибиряк самогонку не пьет. Пьет самогонку переселенец и его семья. Переселенцы пришли десятки тысяч и

принесли с собой эту пагубную привычку» [4, л. 10]. Чиновники даже подчеркивали, что рост самогонварения в губернии произошел по вине переселившихся сюда латышей, отлично умеющих изготавливать винокуренные аппараты и строить тайные винокуренные заводы [4, л. 43].

Введение запрета на продажу алкоголя было неожиданно для населения страны. Однако к зиме 1914–1915 гг. появились изготовители самогона. Случаев винокурения в Енисейской губернии в 1913 г. было 34, а в 1914 г. – 102 [4, л. 35 об.]. Крестьянский начальник Канского уезда сообщал в документах Акцизного управления, что в октябре 1914 г. еще праздник был трезвый, а 30 декабря уже было много пьяных. В селе Уринском произошла драка и скандал с револьверами и ножами [6, л. 26, 29].

О результатах отрезвления деревни и борьбы с тайным винокурением к февралю 1915 г. можно узнать из анкет, разосланных крестьянским начальникам на места Губернским Управлением Акцизного надзора. В донесениях руководителей крестьянских органов самоуправления говорилось о положительных результатах трезвенного закона. Крестьянский начальник 2-го участка Енисейского уезда И. Бердников сообщал, что в деревнях нет пьяных драк, гульбищ, хулиганства, краж и насилия. Крестьяне хорошо вносят податные сборы, даже безнадёжные семьи. Кооперативы и сельские общества стали активней. На сельских сходах не выбирают людей, которые были уличены в торговле брагой и решали дела за «косушку» или «мерзавчик» [6, л. 2–3]. В Ачинском уезде крестьянский начальник Богоелов писал в анкете: «Хорошо, что нет водки, провожая на войну запасных и несколько призывов новобранцев, совершенно пропился бы», – говорит крестьянин [6, л. 4]. О том, что крестьяне оделись, обулись, меньше играют в карты, не растрачивают деньги, покупают сахар и предметы интерьера также сообщал начальник 3 участка Канского уезда [6, л. 10]. О трезвости наемных рабочих в сельской местности в анкетах подчеркнуто особо: «Не смотря на отлив боевых душ в ряды армии, недостаток в рабочих руках не чувствовался, оплата (за наемный труд) не выросла из-за вынужденной трезвости. Ранее три дня работали наемные рабочие, три дня пропивали заработанное. Теперь такого нет» [6, л. 16 об.].

Несмотря на первые хорошие результаты трезвенной политики в регионе, в 1915 г. возросло число лиц, занимающихся выгонкой и продажей самогона. Сельские сходы принимали общественные приговоры о запрете продажи алкоголя и помогали бороться с этим злом в деревне. Самым сложным районом по вопросам винокурения становится Канский уезд. В апреле 1915 г. по Канскому уезду удалось составить 70 протоколов о винокурении [4, л. 51]. В этом уезде только за октябрь 1915 г. было составлено 122 приговора о прекращении винокурения. Подобные приговоры были инициированы населением по Красноярскому и Енисейскому уездам. Приговоры предлагали составить священники, чинов-

ники Акцизного надзора, учителя, приставы, исправники. В течение 1915 г. приговоры о запрете торговли самогоном были зафиксированы в селах Степно-Баджейское и Шилинское Красноярского уезда, Сметковское, Добринское и Сосновское Ачинского уезда [8, л. 16 об.].

Рост случаев самогонварения в 1915 г. заставил чиновников Акцизного ведомства говорить о росте алкоголизма в деревне. «Тайное винокурение в губернии принимает угрожающие размеры, крестьянские матери из переселенцев дают самогонку даже грудным детям, чтобы последние крепче спали и не мешали им заниматься своим делом. В настоящее время сельская полиция не только не помогает Акцизному надзору в преследовании винокуров и шинкарей, но обыкновенно их покрывает и часто сама является в роли тайных винокуров» [4, л. 20–21]. Причину неудач чиновники видели в том, что территория губернии была обширна, малочисленность служащих и полиции не позволяла объехать все населенные пункты. Дела, переданные в суд, затягивались, из-за переобремененности мировых судей [4, л. 10]. «Между составлением протокола и вынесением решения судом для торговцев самогоном проходит в среднем 8,5 месяцев, что делает наказание уже не столь существенным для них. Только через 3,5 месяца протокол попадает в суд, через 4,9 месяца суд выносит решение». Некоторых нарушителей заключали в тюрьму до представления поручительства или залога, но это менее половины случаев. Мировые судьи охотно выпускали под залог, который мог составлять до 6 тысяч за троих человек [9, л. 27].

В течение 1915 г. рост самогонварения в губернии проходил с переменным успехом. Это зависело и от спроса на алкоголь, и от цен на сырье, и от поддержки или недовольства винокурением односельчан. Вместе с тем, можно утверждать, что к 1916 г. проблема алкоголизации населения стала очень острой для представителей власти. Из донесений крестьянского начальника деревни Быстрая Мало-Минусинской волости читаем: «Запрет торговли сельским сходом был принят еще 15 марта 1915 г.». На самогонщиков сельчане налагали штраф и направляли дела волостному судье. Однако в течение 1915 г. было много новобранцев, которых провозжали, и самогон пользовался спросом. В 1916 г. молодежь ушла на фронт, торговля бражкой прекратилась [7, л. 45–46 об.]. Из деревни Тесинской Минусинского уезда также местные власти сообщали, что дефицит сахара и меда привел к прекращению винокурения [7, л. 55 об.]. Иные данные поступили из села Троицкого Ачинского уезда: «Пьянство молодежи было весь пост 1916 года. Первые призывы проходили трезво. А сейчас молодежь пьет. Им разрешают родители, так как их все равно скоро заберут в армию. С фронта возвращаются солдаты (отпускные, раненые, больные), их тоже угощают» [8, л. 21 об.].

Правительство старалось ужесточить меры борьбы с винокурами. С декабря 1915 г. выдача ссуды крестьянам на хозяйственное устройство возможна стала только после выяснения того, был ли человек причастен

к виноторговле [8, л. 14]. Циркуляр губернатора от 12 февраля 1916 г. призывал волостных старшин, крестьянских начальников и старост к борьбе с винокурением. Губернатор обвинял местную власть в бездействии и требовал усилить разъезды по участкам, составление общественных приговоров. Разрешено было также отлучать от сходов самогонщиков и сильно пьющих односельчан [8, л. 10, 12-12 об.]. Для самогонщиков теперь предусматривались не просто штрафы, но и аресты, высылка за казенный счет и выдача властям. Однако число преступников, понесших наказание, было невелико. Чиновникам было сложно доказать производство самогона и его продажу, потому что односельчане покрывали самогонщиков, а крестьянские начальники не спешили штрафовать и конфисковывать имущество шинкарей, не желая разорения крестьян.

Чиновники Управления Акцизного надзора писали, что преследование самогонщиков для них новая обязанность. Им нужна помощь полиции, необходимо завести для этих же целей кормчую стражу. Число членов Акцизного надзора было увеличено к 1 января 1916 г. до 76 штатных должностных лиц, а к 1 января 1917 г. – до 90 штатных лиц. Для успеха дела они были переведены из города в сельскую местность [9, л. 1,8]. Рост числа винокуренных заводов, изготавливающих незаконно алкоголь, все-таки наблюдался, потому что за осень 1914 г. было выявлено по губернии только 49 заводов [4, л. 44], а за 1916 г. – 927, более всего в Канском и Минусинском уездах. Это видно из данных таблицы 1 [9, л. 31].

Таблица 1

**Количество винокуренных заводов,
обнаруженных в 1916 г.**

Уезд	Кол-во заводов
Енисейский уезд	36
Каннский уезд	398
Минусинский уезд	244
Ачинский уезд	179
Красноярский уезд	70

Рост самогонварения в Приенисейском регионе и невозможность справиться с этим процессом губернских властей привел к объединению всех сил как государственных учреждений, так и органов крестьянского самоуправления и общественных организаций для усиления борьбы. В г. Канске 26 октября 1916 г. прошел Съезд представителей уездных администраций, городских управ, духовных ведомств, Министерства народного просвещения, Акцизного надзора, инспекции мелкого кредита, волостных старшин, сельских старост, членов кредитных товариществ.

Председателем съезда был губернатор Я.Г. Гололобов. Вопрос был настолько острым, что глава Акцизного управления Д.Н. Воронов, который прибыл в Енисейскую губернию в октябре 1915 г. подчеркивал, что борьба с самогонварением носит характер внутренней войны с населением, что здесь опираться можно только на помощь самого населения. «Вместе с объединением усилий стоит ужесточить репрессивные меры до крайности» [8, л. 3]. В г. Канске, как самом сложном в губернии регионе, при участии городского головы и Акцизного ведомства создается Особое попечительство по борьбе с самогоном [8, л. 5]. На съезде было решено попечителей о трезвости выбрать в каждом населенном пункте уезда, а сельское общество штрафовать за укрывательство сочленов-самогонщиков [8, л. 15 об.].

Кто же занимался самогонварением в 1915–1916 гг.? Акцизное управление на основе анализа протоколов, составленных на самогонщиков в течение 1916 г., дало характеристику на лиц, занимающихся производством самогона. Из нее можно выделить следующие особенности:

1. Основная масса самогонщиков проживала в сельской местности. Там же располагались винокуренные заводы. В городах происходило только 30–32 % нарушений, в сельской местности – 68–70 % [9, л. 17].

2. Значительную часть самогонщиков составляли крестьяне. Их было 85,3 %, остальные задержанные за самогонварение (14,7 %) – мещане, ссыльно-поселенцы, инородцы. По роду занятий торговцы самогоном в городе и сельской местности распределялись следующим образом: в деревне большее число самогонщиков приходится на земледельцев, а в городе – на рабочих [9, л. 17 об.].

Таблица 2

**Род занятий лиц, задержанных за производство
и продажу самогона в 1916 г.**

Род занятий	Город	Село
Земледельцы	0,5 %	66,7 %
Рабочие	44,3 %	18,6 %
Торговцы	26,5 %	1,9 %
Извозчики	3,2 %	0,4 %
Лица интеллигентных профессий	4,1 %	–

3. Кормчество являлось подсобным промыслом только у 7 % выявленных в городе торговцев самогоном, у остальных это был постоянный источник дохода. Торговлей занимались в городе владельцы лавок и торговцы вразнос, содержательницы гостиниц, домов, комнат, чайных и столовых.

4. Большинство задержанных составили мужчины, хотя раньше самогонварением занимались только женщины [9, л. 19]. Связано это

было с тем, что заводы самогонщиков располагались теперь из-за преследования властей и недовольства общества далеко в тайге. Производство самогона требовало значительно больше риска и умений, размещаясь вне дома.

5. Большинство самогонщиков являлись семейными людьми (81 %). Однако среди них преобладали малосемейные (55 %), у которых семья была не более двух-четырех человек. Многосемейные, где семья включала 8 человек и более, составляли только 15,1 % среди задержанных самогонщиков. Многодетные родители боялись тюрьмы [9, л. 19 об.].

По этой же причине сельские сходы не отправляли самогонщиков в тюрьму, редко применяя эту меру закона. Дети преступников оставались без кормильца, считались сиротами и переходили на попечение односельчан. Так, в деревне Троицкой Больше-Улуйской волости Ачинского уезда переселенец из Витебска Павлюченко завел завод. Его по решению властей посадили в тюрьму, а дети остались на попечении общества. Эта обремененность вызвала недовольство общества, и сход принял приговор о запрете самогонварения на селе [8, л. 21 об.].

6. Самогонварением и торговлей занимались преимущественно бедные слои населения, как в сельской местности, так и в городе. Чем богаче был крестьянин, тем реже его уличали в торговле самогомом. У 66 % самогонщиков в сельской местности не было недвижимости и скота, из них 44 % были совершенно неимущими [9, л. 20 об.]. По данным отчетов чиновников, продажей самогона в г. Красноярске также занимались чернорабочие, мелочные торговцы, люди без профессий. Кормщики вербовались почти исключительно из низших слоев городского населения, не имели устойчивых профессий или достаточно прочного имущественного положения. Кормчество для них было легким и быстрым заработком. Они не боялись риска, потому что нечего было терять. У большинства задержанных не было имущества, кроме скудной домашней обстановки. Рост самогонварения в губернском центре в 1916 г. чиновники Акцизного надзора связывали с дороговизной жизни и застоем в торговле. Но, несмотря на бедность, задержанные легко готовы были уплатить штраф 200, 300, 500 руб., чтобы не подвергаться аресту на срок 30–45 суток [9, л. 25–27].

7. Около 17–20 % наказанных за производство самогона в сельской местности (были оштрафованы, подверглись аресту на срок от 14 до 90 дней) все равно возвращались к этому промыслу вновь. Но еще чаще возвращались к производству самогона городские жители. За 2 года (1915–1916 гг.) привлечено было в г. Красноярске 898 человек к суду за торговлю самогомом, половина из них вернулись в этому делу [9, л. 23, 26 об.]. Чиновники отмечали, что семейные меньше склонны были к рецидиву, чем одинокие. «В сельской местности часто из нужды возвращаются неимущие к самогонварению или домохозяева с имуществом

до 500 руб., что по меркам типичного сибирского крестьянина равносильно бедности» [9, 23–23 об.].

Организовать производство самогона было несложно, а прибыль была хорошая. Из отчетов видно, что на покупку одного аппарата затрачивали в среднем 50 руб. А стоимость самогона была высокой в регионе, хоть и уменьшалась с 1914 по 1916 г. Крестьянский начальник в с. Тасеево сообщал в анкете, что прибыль с продажи самогона составляет до 1000 % в начале 1915 г. Стоимость четверти самогонки в 1915 г. упала с 7,5 до 3,5 руб. [6, л. 17–18 об.]. «В городе самогон в марте 1915 г. стоит до 2 рублей за бутылку, а затраты на организацию не более 50 рублей», – писал акцизный чиновник в отчете [4, л. 49 об.]. «Из четверти ржи выдвывают самогонщики до 15 бутылок вина. А одна бутылка от 1 до 1,5 рублей, средняя цена ведра самогона 30 рублей», – сообщали из донесений по Канском уезду [4, л. 56; 9, л. 30].

Часто незаконные винокурные заводы располагались в домах, подпольях, банях, на гумнах или около селений. В волостных и крупных селах к 1916 г. в связи с противодействием властей и сельских сходов самогонщиков не стало. Самогонщики переносили свое производство в маленькие селения или в тайгу. Чиновники подчеркивали, что из-за репрессий в конце 1916 г. винокуры на зиму не перешли в дома и в бани, а остались в тайге [9, л. 30]. Заводы винокуров располагались обязательно по ключам, так как для охлаждения спиртовых паров нужен был постоянный приток холодной воды. Самогонщики также объединялись в артели до 10 аппаратов разных хозяев для того, чтобы охранять производство [9, л. 37].

Также в отчетах контролеров Управления Акцизного надзора указано: «Аппараты, применяемые самогонщиками, все чаще промышленного типа, ориентированные на массовое производство и сбыт. Производят они самогон высокой крепости до 40–42°. Заводских аппаратов в губернии не обнаружено вовсе. Все аппараты самодельные, сделаны из жести и дерева. Стоимостью каждого от 50 до 70 рублей». В г. Красноярске нет винокурения и не хранят приспособления для него, только вербуют торговцев [9, л. 34 об., 25 об.].

Большой проблемой для винокуров было не только преследование, обыски и изъятие аппаратов, но необходимость правильно организовать производство, чтобы получать значительное количество алкоголя. «Неопытные винокуры расходовали до сорока пудов хлеба для приготовления заторов». Опытные винокуры из 1 пуда муки получали 1 ведро самогона. При плохой организации производства из 8 ведер квасных чанов самогонщики имели выход только четверть ведра самогона [9, л. 37].

Борьба с винокурением в Приенисейском регионе велась во многих направлениях. Применялись карательные и полицейские меры: преследования по суду, аресты, штрафы и конфискация имущества. На распространение трезвости также старались повлиять мерами просветительского характера – созданием обществ трезвости, школьных союзов трезвости, строительством народных домов, открытием библиотек, привлечением к трезвенной работе кооперативов. В этом направлении много было сделано Красноярским обществом трезвости, действующим с мая 1915 г. в регионе под председательством епископа Никона. Приходскими священниками, миссионерами трезвости, учителями, врачами велась борьба против пьянства. Еще одним способом борьбы с самогонварением считали активную поддержку трезвенной работы населением региона, особенно в сельской местности. Чиновники Акцизного ведомства были уверены, что если крестьяне сами начнут выдавать самогонщиков и пресекать этот вид деятельности, то очень быстро удастся добиться успеха. С этой целью с ноября 1916 г. по февраль 1917 г. в деревнях началась агитация крестьянских начальников и чинов Акцизного надзора за избрание из среды крестьян попечителей для наблюдения и противодействия винокурению и пьянству в селах (по решению Канского съезда). Такие попечители были избраны на сельских сходах в селах Канского уезда – Троицком, Промысловском, Малиновском, Тугужинском, Покровском, Беретковском, Глушковском, Рахмановском и многих других [7, л. 2–30].

После февральской революции 1917 г. борьба с самогонварением продолжилась, однако инициатива в этом вопросе перешла в руки местных крестьянских комитетов и советов. Чиновники, представители духовенства и интеллигенция на местах теряли влияние в этом вопросе. Крестьянские съезды Красноярского и Канского уездов приняли решения об исключении чинов Акцизного надзора из состава органов местного самоуправления из-за ненужности этих людей. Им оказывали всякое противодействие, не давали лошадей для объездов местности и проведения обысков, предлагали уехать из сел [10, л. 29]. Деятельность Красноярского общества трезвости и миссионеров трезвости в 1917 г. также была приостановлена на местах, а в 1918 г. эту общественную организацию закрыли. В целом Акцизному управлению при поддержке местного населения, интеллигенции и приходских священников удалось объединить усилия для борьбы с винокурением в Приенисейском регионе в годы Первой мировой войны. И борьба эта продолжалась после Февральской и Октябрьской революций. Опираясь на опыт предреволюционных лет, привлекая прежних специалистов, новая власть старалась решить вопрос противодействия самогонщикам.

Литература

1. Сафронов С.А. «Пьяный вопрос» в России и сухой закон 1914–1925 годов: в 2 т. / Сиб. федер. ун-т, Гуманитарный ин-т. – Красноярск, 2017.
2. Шекшеев А.С. Самогоноварение, потребление алкоголя и борьба с ним в енисейской деревне (1917–1930 гг.). Ч. 1 // Изв. Лаборатории древних технологий. – 2016. – № 3. – С. 119–134.
3. Шекшеев А.С. Самогоноварение, потребление алкоголя и борьба с ним в енисейской деревне (1917–1930 гг.). Ч. 2 // Изв. Лаборатории древних технологий. – 2016. – № 4. – С. 82–97.
4. ГАКК Ф. 156. Оп. 1. Д. 61.
5. Шилина А.С. Борьба с самогоноварением в Енисейской губернии во время Первой мировой войны // Вестн. КрасГАУ. – 2012. – № 9. – С. 259–261.
6. ГАКК Ф. 156. – Оп. 1. – Д. 69.
7. Там же. – Д. 83.
8. Там же. – Д. 74.
9. Там же. – Д. 79.
10. Там же. – Д. 82.

